

РОБЕРТ ХЕЙНЛЕЙН

ВЗРЫВ ВСЕГДА ВОЗМОЖЕН

Фантастический рассказ

Рисунок В. НИКОЛАЕВА

— Положите ключ на место!

Человек, к которому это относилось, медленно повернулся и взглянул на говорившего. Лица нельзя было разглядеть под странным шлемом тяжелого меднокадмиевого панциря.

— Какого черта, док?

Оба смотрели друг на друга, как два гладиатора, ожидающих только сигнала к бою. Голос первого прозвучал из-под маски тоном выше и повелительнее:

— Вы меня слышали, Харпер? Положите немедленно ключ и отойдите от этого триггера! Эриксон!

Из дальнего угла контрольного зала к ним приблизилась третья фигура в панцире.

— В чем дело, док?

— Харпер отстранен от дежурства. Пошлите за его сменщиком! Дежурным инженером назначается вы.

— Хорошо.

Судя по голосу и манерам, третий был флегматиком, казалось, что все происходящее его нисколько не касается. Инженер, которого подменил Эриксон, положил гаечный ключ на место.

— Слушаюсь, доктор Силард! Только и вы пошлите за своим сменщиком. Я потребую немедленного разбора дела!

Возмущенный Харпер круто повернулся и пошел к двери.

Силарду пришлось дожидаться сменщика минут двадцать. Это были неприятные минуты. Может быть, он поторопился. Возможно, он вообще напрасно решил, что Харпер не выдержал напряжения работы с самой опасной машиной в мире — комплексным атомным реактором. Но если он и ошибся, то ошибся в нужную сторону, ибо в этом деле заскоки недопустимы, потому что любой заскок может привести к атомному взрыву почти десяти тонн урана-238, урана-235 и плутония.

Силард попробовал представить, что тогда будет. Ему это не удалось. Он слышал, что мощность атомного взрыва урана превосходит мощность тринитротолуола в двадцать миллионов раз, но эта цифра ничего ему не говорила. Он пытался думать о реакторе, как о сотнях миллионов тонн самого сильного взрывчатого вещества или о тысячах Хиросим. И это тоже не имело смысла. Однажды он видел взрыв атомной бомбы — его пригласили для проверки психической реакции персонала ВВС. Но он не мог себе представить взрыв тысячи таких бомб — его разум отступал.

Возможно, инженерам-атомникам это удастся. Возможно, с их математическими способностями и ясным пониманием процессов, происходящих там, в недрах реактора, они живо представляют себе, какое непостижимо ужасающее чудовище заперто за щитом. И если это так, нет ничего удивительного, что их преследуют и страх и искушение...

Силард вздохнул. Эриксон оторвался от приборов линейного резонансного ускорителя.

— Что случилось, док?

— Ничего. Мне жаль, что пришлось отстранить Харпера.

Силард уловил подозрительный взгляд невозмутимого скандинава.

— А вы, часом, сами не того, док? Иногда и белые мыши, вроде вас, тоже взрываются...

— Я? Не думаю. Я боюсь этой штуковины. И был бы сумасшедшим, если бы не боялся.

— Я тоже, — сумрачно ответил Эриксон и опять занялся настройкой регулятора ускорителя.

Сам ускоритель находился за щитом ограждения: его сопло, извергая поток розогнанных до немислимых скоростей элементарных частиц на бериллиевый стержень в центре самого реактора, исчезало за вторым щитом, расположенным между ускорителем и реактором. Под ударами этих частиц бериллий испускал нейтроны, которые разлетались во всех направлениях, пронизывая массу урана. Некоторые нейтроны, сталкиваясь с атомами урана, разбивали их и вызывали деление ядер. Осколки превращались в новые элементы: барий, ксенон, рубидий — в зависимости от того, как делилось ядро. Новые элементы — как правило, нестойкие изотопы — в процессе радиоактивного распада и ценной реакции, в свою очередь, делились на десятки других элементов.

Но если вторичное превращение элементов не представляло особой опасности, то первичное, когда раскалывались атомы урана, высвобождая энергию чудовищную и невообразимую, — это превращение было самым важным и самым рискованным.

Потому что уран, превращаясь под действием бомбардировки

нейтронами в атомное топливо, при делении тоже испускал нейтроны, которые могли попасть в другие атомы урана и, в свою очередь, вызвать их деление. И если возникали благоприятные условия для цепной реакции, она могла выйти из-под контроля и в какое-то неуправляемое мгновение, в одну микросекунду перерасти в атомный взрыв, перед которым атомная бомба показалась бы детской хлопушкой. Взрыв такой силы настолько превосходил все известное человечеству, что представить его было немислимо, как нельзя представить собственную смерть. Этого можно бояться, но этого нельзя понять.

И тем не менее для того, чтобы промышленный атомный реактор работал, реакцию атомного распада необходимо было поддерживать на грани атомного взрыва. Бомбардировка ядер урана нейтронами бериллиевого стержня забирала гораздо больше энергии, чем ее высвобождалось при первичном делении. Поэтому для работы реактора было необходимо, чтобы каждый атом, расщепленный нейтронами бериллиевого стержня, в свою очередь, вызывал расщепление других атомов.

И в равной степени было необходимо, чтобы эта цепная реакция постоянно затухала. В противном случае вся масса урана взорвалась бы за такой ничтожно малый промежуток времени, что его невозможно было бы измерить никакими способами. Да и некому было бы измерять.

Инженеры-атомники контролировали работу реактора с помощью «триггеров» — слово, под которым подразумевался линейный резонансный ускоритель, бериллиевый стержень, кадмиевые замедлители, контрольные приборы, распределительные щиты и источники энергии. Иначе говоря, инженеры могли понижать или повышать интенсивность нейтронного потока, уменьшая или увеличивая скорость реакции, могли с помощью кадмиевых замедлителей менять «эффективную массу» реактора и могли, сверяясь с показаниями приборов, определять, что реакция укрощена — вернее, была укрощена мгновение назад. Знать же о том, что происходит в реакторе сейчас, они не могли, потому что скорость элементарных частиц слишком велика. Инженеры походили на птиц, летящих хвостами вперед: они видели путь, который уже пролетели, но никогда не знали, где они находятся в данную секунду и что их ждет впереди.

И тем не менее инженер и только он один должен был обеспечивать высокую производительность реактора и одновременно следить за тем, чтобы цепная реакция не перешла критической точки и не превратилась во взрыв.

А это было невозможно. Инженер не мог быть уверен и никогда не был до конца уверен, что все идет хорошо.

Он мог работать с полной отдачей, используя весь свой опыт и глубочайшие технические знания, чтобы свести роль случайности до математически допустимого минимума, однако слепые законы вероятности, которые, по-видимому, господствуют в царстве элементарных частиц, могли в любой момент обратиться против него и обмануть все его самые тонкие расчеты.

И каждый инженер-атомник это знал. Он знал, что ставит на карту не только свою жизнь, но и бесчисленные жизни. Потому что никто не мог толком предугадать, во что выльется такой взрыв. Наиболее консервативно настроенные ученые счи-

тали, что взрыв реактора не только уничтожит завод со всем его персоналом, но заодно поднимет на воздух ближайший многолюдный и весьма оживленный железнодорожный узел на линии Лос-Анжелос — Оклахома и зашвырнет его миль на сто к северу.

Официальная, более оптимистическая точка зрения, согласно которой и было получено разрешение на установку промышленного реактора, основывалась на математических выкладках Комиссии по атомной энергии, предусматривавших, что масса урана дезинтегрируется на молекулярном уровне, — таким образом, процесс локализуется прежде, чем захватит всю массу и приведет к взрыву.

Однако инженеры-атомники в большинстве своем не очень-то верили в официальную теорию. Они относились к теоретическим предсказаниям именно так, как они того заслуживали, то есть не доверяли им ни на грош, пока эти теории не подтверждены опытом.

Но даже с официальной точки зрения инженер-атомник во время дежурства держал в своих руках не только свою жизнь, но и жизни многих других людей, а скольких — об этом лучше не думать! Ни один рулевой, ни один генерал, ни один хирург никогда еще не нес такого бремени повседневной постоянной ответственности за жизнь своих собратьев, какую взваливали на себя инженеры каждый раз, когда заступали на дежурство, каждый раз, когда прикасались к регуляторам настройки или считывали показания приборов.

Поэтому инженеры-атомники должны были обладать не только острым умом, знаниями и опытом, но также иметь соответствующий характер и неослабевающее чувство ответственности перед обществом. Для этой работы отбирались люди чуткие, интеллигентные, которые могли до конца осознать всю значительность доверенного им дела, — другие здесь не годились. Но бремя постоянной ответственности было слишком тяжелым для интеллигентных, чутких людей.

Поневоле возникала психологическая неустойчивость. И помешательства становились профессиональным заболеванием.

* * *

Доктор Каммингс, наконец, появился, застегивая на ходу пряжки защитного панциря, непроницаемого для радиации.

— Что произошло? — спросил он Силарда.

— Пришлось отстранить Харпера.

— Так я и думал. Я его встретил на выходе. Он был зол как черт, и так на меня зыркнул...

— Представляю. Он требует немедленного разбора. Поэтому и пришлось послать за вами.

Каммингс кивнул. Потом, мотнув головой в сторону инженера, безликой фигуры в панцире, спросил:

— Кого мне сегодня опекать?

— Эриксона.

— Ну что ж, неплохо. Квадратноголовые не сходят с ума, не так ли, Густав?

Эриксон на мгновение поднял голову, буркнул: «Это уж ваше дело», — и снова погрузился в свои вычисления.

— Похоже, психиатры не пользуются здесь особой популярностью? — проговорил Каммингс, обращаясь к Силарду. — Ну ладно. Смена принята, сэр.

— Смена сдана, сэр.

Силард прошел через зигзагообразный коридор между щитами, окружающими контрольный зал. В раздевалке за последним щитом он вылез из своего похожего на жесткий скафандр панциря, поставил его в нишу и вошел в лифт. Кабина лифта высадила его глубоко внизу — на площадке пневматической подземной дороги. Он отыскал пустую капсулу, сел в нее, запер герметическую дверцу и откинулся на сиденье, чтобы резкое ускорение подействовало не так сильно.

Пять минут спустя он уже стучал в дверь кабинета генерал-директора, в двадцати милях от реактора.

Собственно промышленный реактор был выстроен в котловине среди пустынных холмов аризонского плато. Все, что не являлось необходимым для непосредственного управления реактором — административные корпуса, телевизионная станция и тому подобное, — располагалось далеко за холмами. Здания этих подсобных служб были выстроены из самых прочных материалов, какие только могла создать инженерная мысль. Таким образом, оставалась надежда, что, если день «Х» когда-нибудь придет, у обитателей этих зданий будет примерно столько же шансов спастись, сколько у человека, вздумавшего спуститься в бочке по Ниагарскому водопаду.

Силард постучал еще раз. Его встретил секретарь Штейнке. Силард помнил его историю болезни. В прошлом один из самых блестящих молодых инженеров, он вдруг утратил всякую способность к математическим операциям. Типичный случай истерии, но бедняга ничего не мог с собой поделать. Впрочем, у него хватило силы воли не бросить работу, и он был переквалифицирован для административной службы.

Штейнке пригласил Силарда в личный кабинет генерал-директора. Харпер был уже там и ответил на его приветствия с ледяной вежливостью. Генерал-директор, как всегда приветливый и радушный, показался Силарду усталым, словно круглосуточное напряжение исчерпало его силы.

— Входите, доктор, входите! Садитесь. А теперь расскажите, что там стряслось. Признаться, я удивлен. Я всегда считал Харпера одним из самых надежных инженеров.

— А я и не говорю, что он ненадежен, сэр.

— Значит?

— Он может быть вполне здоров, но ваши инструкции не позволяют мне рисковать.

— Совершенно верно.

Генерал-директор смущенно взглянул на инженера, сидевшего в напряженной выжидающей позе, потом снова обратился к Силарду:

— Может быть, вы все-таки объяснитесь?

Силард тяжело вздохнул.

— Находясь на дежурстве в качестве психолога-наблюдателя контрольного зала, я заметил, что дежурный инженер чем-то

озабочен: его реакции показались мне необычно замедленными. Я изучал этот случай в течение нескольких дней, и внеслужебные наблюдения показали, что его рассеянность возрастает. Например, играя в бридж, он неоднократно переспрашивал, какая предложена ставка, чего раньше с ним не случалось. Были и другие аналогичные признаки. Короче говоря, сегодня в пятнадцать одиннадцать, находясь на дежурстве, я заметил, что Харпер без всякого видимого повода с отсутствующим видом взял гаечный ключ, предназначенный только для фланцев водяных щитов, и приблизился к триггеру. Я отстранил его от дежурства и отослал из контрольного зала.

— Шеф! — воскликнул было Харпер, но тут же взял себя в руки и продолжал уже спокойнее: — Если бы этот провидец мог отличить гаечный ключ от осциллографа, он бы понял, что я хотел сделать. Ключ лежал не на своем месте. Я это заметил и взял его, чтобы положить в ящик. По дороге я остановился и только взглянул на приборы.

Генерал-директор вопросительно посмотрел на Силарда.

— Возможно, что это правда, — проворчал тот упрямо. — Будем считать, что это чистая правда, но это не меняет моего диагноза. Ваше поведение изменилось, ваши поступки нельзя предсказать заранее, и я не могу допустить вас к ответственной работе без полного и всестороннего обследования.

Генерал-директор Кинг вздохнул и забарабанил пальцами по столу. Потом медленно заговорил, обращаясь к Харперу:

— Послушай, ты славный парень, и поверь мне, я знаю, как ково тебе сейчас. Но избежать этого нельзя, невозможно — тебе придется пройти все психометрические испытания и подчиниться решению врачей.

Кинг помолчал, но и Харпер хранил бесстрастное молчание.

— Знаешь что, сынок, а почему бы тебе не взять отпуск? А потом, когда вернешься, ты пройдешь эти испытания или просто перейдешь на другую работу, подалее от нашей бомбы, как пожелаешь...

Кинг посмотрел на Силарда, и тот одобритительно кивнул. Но Харпера это предложение нисколько не смягчило.

— Нет, шеф! — отрезал он. — Так дело не пойдет. Разве вы сами не видите, в чем тут загвоздка? В проклятой постоянной слезке! Кто-нибудь все время стоит у тебя за спиной и ждет, что ты рехнешься. Невозможно даже побриться в одиночестве. Мы нервничаем из-за всяких пустяков, потому что боимся, как бы какой-нибудь ученый муж, сам наполовину сумасшедший, не вообразил, что мы теряем разум. Боже правый, так чего же вы после этого хотите?

Облегчив душу, Харпер ударился в противоположную крайность, но цинизм ему не очень-то шел.

— Ну и распрекрасно! Мне не понадобится смирительная рубашка, я спокойно уйду сам. Вы хороший человек, шеф, несмотря ни на что. И я рад, что работал у вас, — прибавил он. — Прощайте!

Кингу удалось справиться со своим голосом — боль пряталась только в глазах.

— Подождите, — сказал он. — Мы еще не кончили. Забудьте об отпуске. Я перевожу вас в лабораторию изотопов. Как-ни-

как вы исследователь, и никто вас от этой работы не освобождал. Если я назначал вас на дежурство, то лишь потому, что у нас не хватает первоклассных специалистов. Что касается психологического контроля, — продолжал он, — то мне он так же неприятен, как и вам. Полагаю, вам неизвестно, что за мной они следят вдвое пристальнее, чем за дежурными инженерами?

Харпер вопросительно уставился на Силарда, но тот лишь коротко кивнул.

— Однако такой контроль необходим... Вы помните Маннинга? Хотя нет, он был здесь до вас. Тогда мы не вели психологических наблюдений. Маннинг был блестящим инженером, очень способным. И к тому же всегда спокойным, безмятежным, словно ничто его не волновало. Я с радостью доверил ему реактор, потому что он был внимателен и никогда не нервничал, даже наоборот: чем дольше он оставался в контрольном зале, тем безмятежнее и счастливее выглядел. Я должен был знать, что это очень скверный признак, но я не знал, и здесь не было психиатра, чтобы мне подсказать. И однажды ночью помощник Маннинга вынужден был его оглушить... Он застал его в тот момент, когда Маннинг разбирал предохранитель кадмиевой защиты. Бедняга Маннинг так от этого и не оправился — у него до сих пор приступы буйного помешательства. Но после того как он свихнулся, мы работаем по теперешней системе — в каждой смене два квалифицированных инженера и один психиатр-наблюдатель. Это было единственное, что мы могли придумать.

— Может быть, оно и так, шеф, — задумчиво проговорил Харпер; злость его прошла, но выглядел он по-прежнему несчастным. — Все равно, шеф, нам чертовски неприятно.

— Смотри на это проще! — Кинг встал и протянул Харперу руку. — Послушай, если ты до утра не решишь окончательно нас покинуть, я надеюсь утром увидеть тебя в лаборатории. И еще одно — я не часто это советую, но сегодня, по-моему, тебе не мешает хорошенько выпить.

Кинг знаком попросил Силарда задержаться. Когда дверь за инженером закрылась, он повернулся к психиатру:

— Ушел еще один, и один из лучших. Доктор, что будет дальше?

— Не знаю, — ответил Силард, потирая щеку. — Бредовая ситуация, Харпер совершенно прав. Зная, что за ними наблюдают, они нервничают еще больше... А наблюдать за ними необходимо. Ваши психиатры, кстати, не очень-то хорошо с этим справляются. Мы сами нервничаем рядом с Большой Бомбой, тем более что ничего в ней не понимаем. А ведь именно нам нужно бороться со страхом и нервозностью других. Научная работа в таких условиях невозможна. Тут недолго и самому спятить.

Кинг перестал расхаживать по комнате и посмотрел на Силарда в упор.

— Но ведь должен быть какой-нибудь выход! — сказал он настойчиво.

Силард покачал головой.

— Это выше моих сил, генерал-директор. Как психиатр, я не вижу выхода.

— Не видите? Хм, послушайте, доктор, кто у вас самый главный?

— То есть?

— Ну, кто в вашей области является общепризнанным ученым номер один?

— Трудно сказать. У нас нет такого единственного лучшего в мире психиатра — мы слишком узко специализированы. Но я, кажется, знаю, кто вам подойдет. Вам нужен не просто специалист по промышленной психометрии, вам нужен лучший психиатр, разбирающийся в редких нетравматических и профессиональных психозах. Значит, вам нужен Ленц.

— Продолжайте.

— Так вот, Ленц занимается всем кругом вопросов, относящихся к влиянию среды на психику. Он связывает теорию оптимального раздражения с искусственным торможением, технику которого Корджибский разработал опытным путем. Кстати, сам Ленц когда-то, еще студентом, работал у Корджибского, и это, кажется, единственное, чем он по-настоящему гордится.

— В самом деле? Но ведь он, должно быть, уже староват, — Корджибский-то когда умер?

— Я просто хотел сказать, что, может быть, вы знакомы с его работами, поскольку они имеют отношение к инженерно-математической психологии.

— Ага, это нам и нужно! Значит, Ленц? Но я никогда не думал о нем как о психиатре!

— Вполне естественно, это не ваша область. Однако мы ценим его хотя бы за то, что он сделал для изучения и лечения заразных нервных заболеваний, свирепствовавших в сумасшедшие годы, а он тогда сделал все, что мог.

— Где он теперь?

— Наверное, в Чикаго, в институте.

— Доставьте его сюда.

— То есть как это?

— Притащите его сюда! Садитесь вот за этот видеофон и разыщите его. Потом скажите Штейнке, чтобы позвонил в Чикаго и заказал для него стратоплан. Я хочу его видеть как можно скорее, еще до вечера.

Кинг опустился в кресло с видом человека, который снова обрел веру в себя и чувствует себя хозяином положения. Он ощущал внутри согревающую полноту, приходившую только тогда, когда принимал решение и начинал действовать. Лицо его снова стало уверенным.

Зато Силард был в смятении.

— Но послушайте, шеф, — попробовал он возразить. — Доктора Ленца нельзя просто вызвать, как младшего клерка. Ведь это, ведь он — Ленц!

— Конечно. Поэтому он мне и нужен. Но ведь и я не истеричная дамочка, нуждающаяся в утешении. И он прилетит. Если понадобится, заставьте на него нажать из Вашингтона. Пусть его вызовет Белый дом. Но он должен быть здесь, и сегодня же. За дело!

Окончив свое дежурство, Эриксон попробовал отыскать Харпера и узнал, что тот отправился в город. Поэтому он наскоро перекусил на базе, облачился в «кабацкий костюм» и влез в капсулу подземной дороги, которая и доставила его в Парадиз.

Парадиз, или Рай штата Аризона, представлял собой забурфенный маленький городишко, существовавший только благодаря промышленному реактору. Его обитатели были заняты единственным и весьма важным делом: они всемерно старались избавить служащих реактора от их повышенных заработков. На этом поприще с ними весьма активно сотрудничали сами служащие, которые получали здесь каждый выплатной день раз в десять больше, чем где бы то ни было, и никогда не были уверены, что доживут до следующего выплатного дня, а потому и не откладывали денег на старость. К тому же компания открывала для своих работников солидные счета в банках Манхэттена — так чего ж было скряжничать?

Поговаривали, и не без оснований, что в Парадизе можно получить за свои деньги все или почти все, что имелось в самом Нью-Йорке. Местные коммерсанты взяли на вооружение рекламный лозунг городка Рено штата Невада и называли Парадиз «Самым Большим Маленьким Городом в Мире». Разбуженные кабатчики Рено отвечали на это, что, поскольку любой город, расположенный по соседству с атомным заводом, неизбежно вызывает представление о смерти, гораздо более подходящее название для Парадиза было бы «Врата Ада».

Эриксон, не теряя времени, начал обход злчных мест. На шесть кварталов главной улицы Парадиза приходилось двадцать семь заведений, торговавших крепкими напитками. Он рассчитывал найти Харпера в одном из них и надеялся, зная мужские привычки и вкусы, что найдет его во втором или третьем по счету.

Эриксон не ошибся. Харпер одиноко сидел за столиком бара де Лансей «Сан-Суси». Это был их излюбленный бар. Здесь все дышало старомодным комфортом, хромированная стойка и красные кожаные кресла нравились им куда больше феерической роскоши ультрасовременных кабаков. Де Лансей был консерватором: он предпочитал рассеянный полумрак и тихую музыку, а от дам требовал, чтобы они были одеты даже по вечерам.

Пятая рюмка виски перед Харпером была еще на две трети полна. Эриксон показал ему три пальца:

— А ну, сколько?

— Три, — отозвался Харпер. — Садись, Густав.

— Правильно, — одобрил Эриксон, уместя свое долговязое тело в низком кресле. — Ты в порядке... пока. Что стряслось?

— Выпей. Нет, не это. Здесь виски ни к черту. Наверное, Лансей его разводит. А я испекся, со всеми потрохами.

— Нет, Лансей этого делать не станет, и если ты так думаешь, то уподзешь отсюда на четвереньках. Но как ты мог сдатьсь? Мне казалось, ты решил, наконец, высказаться и разделать их под орех.

— Я и высказался! — проворчал Харпер. — Э, все это чушь, Густав. Шеф прав. Если специалист по мозгам говорит, что ты

рехнулся, он должен его поддержать и снять тебя с дежурства. Шеф не имеет права рисковать.

— Да, может быть, шеф и прав, но наши милые психиатры от этого не становятся мне милее. Знаешь что? Давай найдем какого-нибудь одного и проверим на чувствительность! Я буду его держать, а ты лупи!

— Оставь, Густав! Выпей лучше.

— Мысль христианская, но только не виски. Предпочитаю мартини — скоро ужин.

— Я тоже возьму мартини.

— Вот и хорошо. — Эриксон поднял свою белокурую голову и заорал: — Израэль!

Высокая черная фигура склонилась к его локтю.

— Мистер Эриксон? Слушаю, сэр.

— Иззи, два мартини. Мне — с итальянским вермутом. — Он повернулся к Харперу. — А что ты будешь делать теперь?

— Лаборатория изотопов.

— Ну что ж, не так плохо. Я и сам хотел заняться ракетным горючим. У меня есть одна мысль.

Харпер посмотрел на него с насмешливым удивлением.

— Ты имеешь в виду атомное горючее для межпланетных перелетов? Эта проблема достаточно изучена. Нет, брат, с землей нам не вырваться, пока мы не придумаем что-нибудь получше ракет. Конечно, можно смонтировать в корабле реактор и придумать какую-нибудь штуковину для превращения части его энергии в движение. Но что это даст? Все равно останется огромная масса реактора. Огромная из-за защитных щитов. А использовать можно будет не более одного процента мощности. Я уж не говорю о том, что компания вряд ли одолжит тебе реактор для опытов, которые не сулят дивидендов.

Эриксон был невозмутим.

— Я не считаю, что ты предусмотрел все возможности. Что было до сих пор? Первые ракетчики занимались только своим делом и старались усовершенствовать ракеты, твердо надеясь, что к тому времени, когда они построят ракету, способную слетать на Луну, у них будет новое усовершенствованное горючее. И они построили такие корабли — любой рейсовый стратоплан, летающий к антиподам, можно было бы отправить на Луну, если бы у них было подходящее горючее. Но его нет. А почему его нет? Потому что мы не помогли ракетчикам. Потому что они до сих пор зависят от молекулярного топлива, от энергии химических реакций, в то время как мы сидим здесь на атомном горючем. Ракетчики не виноваты: они давно ждут от нас концентрированного ракетного горючего и строят на этом все свои расчеты. А что мы для них сделали? Ни черта! Компания прямо помешалась на дивидендах и коммерции, а ракетного атомного горючего до сих пор нет.

— Ты не совсем прав, — возразил Харпер. — Мы можем использовать две формы атомной энергии: радиоактивный распад и атомный распад. Но первая слишком медленна — энергия есть, однако не станешь же ты ждать годами, пока она проявится, особенно в межпланетном корабле. А второй тип энергии мы можем контролировать только в больших реакторах. Так что выхода нет,

— По-настоящему мы еще не пытались его найти, — отозвался Эриксон. — Энергия есть, и мы обязаны создать подходящее ракетное горючее.

— Что ты называешь «подходящим горючим»?

Эриксон начал загибать пальцы.

— Небольшая критическая масса, чтобы вся или почти вся энергия могла отбираться теплоносителем, хотя бы простой водой. Тогда защита сведется к свинцовым или кадмиевым костюмам. И чтобы все это можно было контролировать с высокой точностью.

Харпер рассмеялся.

— Тебе останется только заказать пару ангельских крылышек, и тогда все будет в порядке! Ты не сможешь даже доставить такое горючее на ракету: оно взорвется, еще не дойдя до камеры сгорания.

Упрямый скандинав уже готовился выдвинуть новое возражение, когда появился официант с подносом. Он поставил рюмки на стол и расплылся в торжествующей улыбке.

— Прошу вас, все в порядке!

— Не хочешь кинуть кости в счет выпивки, Иззи? — спросил Харпер.

— Это можно.

Негр достал из кармана кожаный стаканчик, и Харпер кинул кости. Он тщательно выбирал комбинации, и за три раза ему удалось выкинуть двадцать четыре очка. Потом стаканчик взял Израэль. Он выбрасывал кости в лучшем стиле, раскачивая стаканчик в гибкой кисти и далеко закидывая его назад. После третьего раза, набрав двадцать пять очков, негр любезно спрятал в карман стоимость шести рюмок. Харпер пощупал пальцем костяные кубики.

— Иззи, а это те же самые кости? — спросил он.

— Мистер Харпер! — лицо негра приняло обиженное выражение.

— Ну ладно, забудь, — вздохнул Харпер. — Зря я вздумал с тобой тягаться. За шесть недель я не выиграл еще ни разу. Так что хотел сказать, Густав?

— Я хотел сказать, что должен быть другой, более надежный способ получения энергии из...

Но тут их опять прервали. На сей раз это было весьма соблазнительное существо в вечернем платье, которое словно стекло с пышной фигуры. Существу было лет девятнадцать-двадцать, не больше. Опустившись в кресло, оно промурлыкало:

— Скучаете, мальчики?

— Спасибо за внимание, но мы не скучаем, — терпеливо и вежливо ответил Эриксон. Потом, указав пальцем на одинокую фигуру за столом у другой стены, предложил: — Поди-ка поболтай с Ханнинганом! Видишь, он один.

Существо скосило глаза и недовольно фыркнуло.

— Этот? От него никакого толку! Он так сидит здесь третью неделю. И ни с кем словечком не перемолвится. Если хотите знать, он уже тронулся.

— В самом деле? — равнодушно проговорил Эриксон, доста-

вая пятидолларовую бумажку. — Вот, походи пока выпей. Может быть, мы позовем тебя позднее.

— Спасибо, мальчики! — Деньги исчезли где-то под струящимся платьем, и она встала. — Спросите Элит, и я приду.

— Ханнинган и в самом деле плох, — согласился Харпер, отметив про себя мрачный взгляд и апатичное выражение лица одинокого посетителя. — И последнее время он что-то слишком самоуверен. Это на него не похоже. Как думаешь, мы должны об этом сообщить?

— Не беспокойся, — ответил Эриксон. — Здесь уже есть соглядатай. Видишь?

Проследив за его взглядом, Харпер узнал доктора Мотта из психологического отдела. Он сидел в дальнем углу бара, вертя в руках высокий бокал, чтобы не бросаться здесь в глаза. Со своего места ему было очень удобно наблюдать не только за Ханнинганом, но и за Харпером и Эриксоном.

— Да, ты прав, — пробормотал Харпер. — И он следит за нами тоже. О, дьявольщина, почему, когда я вижу кого-нибудь из них, у меня прямо мороз по коже?!

Вопрос был чисто риторический, и Эриксон на него не ответил.

— Пойдем отсюда, — предложил он. — Закусим где-нибудь в другом месте.

— Пойдем.

У выхода их перехватил сам де Лансей.

— Вы уходите так рано, джентльмены? — спросил он, и по его голосу можно было догадаться, что после их ухода ему остается только закрыть бар. — Сегодня у нас превосходные омары. Если они вам не понравятся, можете за них не платить.

Он широко улыбнулся.

— Нет, Лансей, сегодня никаких даров моря! — объяснил ему Харпер. — Скажите мне лучше другое, какого черта вы здесь околачиваетесь, зная, что реактор любую минуту может отправить вас к праотцам? Неужели вы не боитесь?

Хозяин бара удивленно вскинул брови.

— Бояться реактора? Да ведь это же мой лучший друг!

— Делает вам деньги, не так ли?

— О, об этом я даже не думаю. — Де Лансей доверительно наклонился к ним. — Пять лет назад я приехал сюда, чтобы быстро подработать для моей семьи, пока меня не изгрыз рак желудка. Но в клинике новые изотопы, которые вы, джентльмены, создаете в своей Большой Бомбе, излечили меня, и я вновь живу. Нет, я не боюсь реактора, мы с ним хорошие друзья.

— А что, если он взорвется?

— Господь бог призовет меня, когда я ему понадобится, — ответил он и быстро перекрестился.

Когда они уже уходили, Эриксон тихо сказал Харперу:

— Ты слышал? Вот тебе ответ. Если бы все инженеры могли так же верить, наша работа была бы куда легче.

Но Харпер не был в этом убежден.

— Не думаю, — проворчал он. — Не думаю, чтобы это была вера. Просто недостаток воображения. И знаний.

Ленц не оправдал самоуверенности Кинга и прибыл только на следующий день. Его внешность невольно поразила генерал-директора: он представлял себе выдающегося психолога эдаким длинноволосым старцем в рединготе и с черными пронизывающими глазами. Но перед ним предстал крепко сколоченный, почти толстый мужчина хорошего роста, который с тем же успехом мог бы сойти за мясника. Маленькие пороссячи глазки блекло-голубого цвета добродушно посматривали из-под кустистых белесых бровей. Больше на его огромной голове не было ни волоска, даже круглый, как яблоко, подбородок был гладким и розовым. И одет он был в мятый костюм из небеленого полотна. Длинный мундштук постоянно торчал из угла его широкого рта, казавшегося еще шире от неизменной улыбки, выражавшей бесхитрое удивление перед всем злом, которое творят люди. В Ленце определенно был свой смак.

Оказалось, что договориться с ним не составляет труда. По просьбе Ленца Кинг начал с истории вопроса.

Был только один способ экономически выгодного производства плутония — с помощью высокого напряжения из реакторе с неустойчивой реакцией природного, слегка обогащенного урана. Под воздействием тока в миллион с лишним электроновольт уран-238 начинал расщепляться. При незначительном уменьшении напряжения он превращался в плутоний. Такой реактор сам поддерживал в себе «огонь» и вырабатывал больше «топлива», чем сжигал. Он мог поставлять «топливо» для множества обычных энергетических реакторов с устойчивой реакцией.

Но реактор с неустойчивой реакцией представлял собой по сути дела атомную бомбу. Что может произойти в таком реакторе — этого не знал никто. Он будет вырабатывать большое количество плутония, ну а если он взорвется?

Инженерам-атомникам пришлось пережить мучительный период неуверенности. Может быть, неуправляемая реакция все-таки управляема? Или в крайнем случае при взрыве будет уничтожен только сам реактор и этим все кончится? Может быть, даже он взорвется, как несколько атомных бомб, но не причинит особого ущерба? Но могло быть — и эта возможность оставалась, — что вся многотонная масса урана взорвется одновременно.

— Выход из тупика подсказала Дестревская механика бесконечно малых величин, — продолжал Кинг. — Его уравнения доказывали, что если бы такой атомный взрыв произошел, он начал бы разрушать окружающую массу молекул с такой скоростью, что утечка нейтронов из частиц тотчас замедлила бы цепную реакцию и взрыва всей массы все равно бы не произошло. Такие вещи действительно случаются даже в атомных бомбах. Для нашего реактора уравнение предсказывает силу возможного взрыва, равную одной седьмой процента взрыва всей массы урана. Одного этого, разумеется, более чем достаточно; такой взрыв опустошит половину штата. Но я лично никогда не был уверен, что дело ограничится только этим.

— Наверное, потому вы и согласились здесь работать? — спросил Ленц.

Прежде чем ответить, Кинг долго возился с бумагами на столе. — Да, — сказал он наконец. — Я не мог от этого отказаться, доктор, понимаете — не мог! Если бы я отказался, они бы нашли кого-нибудь другого, а такая возможность выпадает физику один раз в жизни.

Ленц кивнул.

— И к тому же они могли найти кого-нибудь менее компетентного. Понимаю. У вас, доктор Кинг, типичный комплекс «поиска истины», свойственный ученым. Вы должны находиться там, где эту истину можно найти, даже если она вас убьет. А что касается этого Дестрея, то мне его выкладки никогда не нравились: он слишком много предполагает.

— В том-то и беда! — согласился Кинг. — Его работа блестящая, но я не уверен, стоят ли все его предсказания хотя бы бумаги, на которой они написаны. И мои инженеры, видимо, думают так же, — признался он с горечью.

Кинг рассказал Ленцу о трудностях работы и о том, как самые проверенные люди в конце концов не выдерживают постоянного напряжения.

— Вначале я думал, что на них угнетающе влияет какая-нибудь нейтронная радиация, проникающая сквозь все щиты. Мы установили дополнительную экранировку, ввели индивидуальные защитные панцири, но это не помогло. Один юноша, который пришел к нам уже после установки экранов, однажды вечером за обедом вдруг сошел с ума: он кричал, что свиной окорок сейчас взорвется. Я боюсь даже думать, что было бы, если бы он взбесился во время дежурства!

Система постоянного психиатрического контроля намного снизила опасность внезапных помешательств у дежурных инженеров, но Кинг вынужден был признать, что эта система была неудачна: количество неврозов даже увеличилось.

— Вот так обстоят дела, доктор Ленц, — закончил он. — И с каждым днем они идут хуже. Вы можете нам помочь?

Но Ленц не имел готовых рецептов.

— Не так быстро! — предупредил он. — Вы нарисовали мне общую картину, но у меня пока нет точных данных, нет фактов. Мне надо осмотреться, самому разобраться в ситуации, поговорить с вашими инженерами, может быть, даже выпить с ними, чтобы познакомиться. Надеюсь, это возможно? Тогда через несколько дней мы, может быть, сообразим, что делать.

Кингу оставалось только согласиться.

— И очень хорошо, что ваши инженеры не знают, кто я такой. Предположим, для них я ваш старый друг, такой же флик, который приехал вас навестить, — вы не возражаете?

— Конечно, почему бы и нет! Я сам им так скажу.

(Сокращение следует)